Alani sive Aas

АЛАНЫ-ОСЕТИНЫ

Коллектив авторов

Alani sive Aas. Аланы–Осетины. Аланы–осетины в исторической науке

«Издательство ИР»

2019

ББК 63.52(=521.323)

Коллектив авторов

Alani sive Aas. Аланы–Осетины. Аланы–осетины в исторической науке / Коллектив авторов — «Издательство ИР», 2019

ISBN 979-5-7534-1880-7

В сборник включены выдержки из средневековых источников, работ российских и зарубежных учёных, материалы академических и энциклопедических изданий, посвящённых проблеме исторической и этнокультурной преемственности алан-осетин. Основная часть книги состоит из трёх разделов: «От античности до конца XIX столетия»; «Алано-осетинская преемственность в трудах исследователей XX века» и «Проблема алано-осетинской преемственности в современной историографии», каждый из которых структурирован по хронологическому принципу, основанному на дате издания трудов. Издание предназначено как для специалистов — историков, археологов, этнологов, политологов, — так и для широкой читательской аудитории.

ББК 63.52(=521.323)

ISBN 979-5-7534-1880-7

© Коллектив авторов, 2019
© Издательство ИР, 2019

Содержание

6
8
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Alani sive Aas. Аланы – Осетины
Аланы – осетины в исторической науке
2-е издание

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева – филиал Федерального научного центра «ВНЦ РАН»

Рекомендовано к изданию Ученым советом СОИГСИ ВНЦ РАН

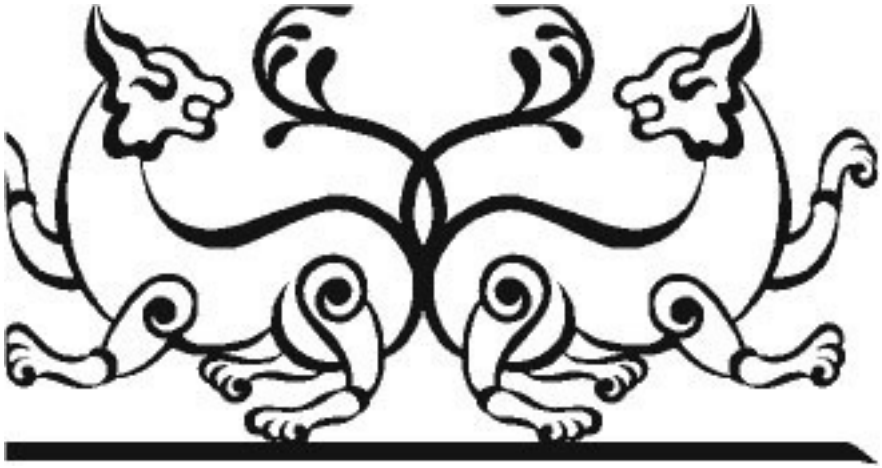
Составители: Л. А. Чибиров, А. В. Дарчиев, Э. Т. Гутиева, А. Л. Чибиров, Ас. А. Цуциев, Е. Б. Бесолова, Ф. Х. Гутнов, Г. И. Цибиров

Перевод: Э. Т. Гутиева, А. В. Дарчиев, А. Л. Чибиров

Отв. редактор Л. Б. Гацалова

© Чибиров Л. А. и др., составление, 2019
© Гаппоева Н. У., дизайн, 2019
© Оформление. ГАУ «Издательство «Ир», 2026

* * *

Введение

«Alani sive Aas»
De Rubruc Willelmus, 1929. XI, 1; XIV, 3.P. 191, 199. Cf. p. 150

В сборник «Alani sive Aas» / «Аланы-осетины» включены цитаты из источников и исследований, посвящённых проблеме исторической и этнокультурной преемственности алан-осетин. Сегодня, когда аланская тематика используется в опасных политических проектах и идеологических манипуляциях, число лженаучных исследований неуклонно нарастает и агрессивно вторгается в общественно-политическую жизнь региона, академическая наука должна стать заслоном историческим и культурным фальсификациям, невежеству и фанатизму.

Историко-культурное наследие как комплекс культурных, религиозных, идеологических факторов интегрировано во многие сферы жизнедеятельности социума, поэтому общество остро реагирует на провокационные социально-культурные проекты, основанные на аланском наследии и нацеленные на разжигание межнациональной розни.

Впрочем, трудно не заметить не запланированный, но вполне реальный позитивный результат политических спекуляций – пробудившийся широкий интерес к этнической истории осетин.

Отвечая на этот запрос общества, мы предлагаем вниманию читательской аудитории настоящий сборник, в который включены выдержки из средневековых источников, работ российских и зарубежных учёных, пользующихся авторитетом в мировом научном сообществе, а также материалы академических и энциклопедических изданий. Составители сборника намеренно не включают в это издание свои комментарии к источникам, предоставляя «слово» древним и современным исследователям мировой науки.

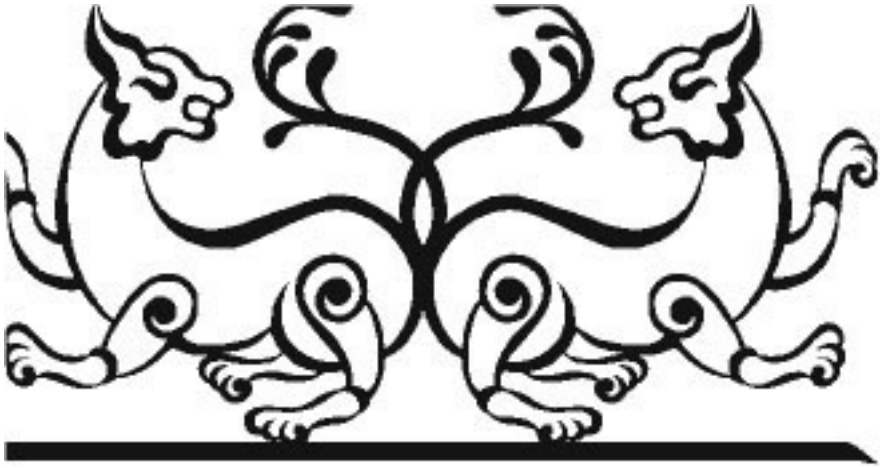
В книге представлено свыше 200 цитат более чем 150 авторов. Сборник предваряет краткий историографический очерк «Аланы-осетины в российской и зарубежной историографии», который даёт представление об основных этапах исследования проблемы алано-осетинской преемственности и включает анализ трудов дореволюционных, советских и современных зарубежных и российских учёных. Отметим, что среди них приводятся разные точки зрения на этногенез алан-осетин. В этот раздел включён и обзор публикаций исследователей-осетиноведов, которые работают над различными аспектами алановедения.

Основная часть сборника состоит из трёх разделов: «От античности до конца XIX столетия»; «Алано-осетинская преемственность в трудах исследователей XX века» и «Проблема алано-осетинской преемственности в современной историографии», каждый из которых структурирован по хронологическому принципу, основанному на дате издания трудов.

Исследования на иностранных языках даны как на языке оригинала, так и в переводе на русский язык. Переводы этой группы источников, выполненные сотрудниками СОИГСИ им. В. И. Абаева Э. Т. Гутиевой, А. Л. Чибировым и А. В. Дарчиевым, публикуются впервые.

Издание не претендует на исчерпывающую полноту. Памятники скифо-аланской материальной культуры и письменные известия об аланах разбросаны по многим странам Европы и Азии, поэтому продолжение поиска письменных, иконографических и других источников является важнейшей перспективной задачей современной науки. Опираясь на сведения, приведённые в настоящем сборнике, будущие исследователи продолжат изучение алано-осетинской истории и культуры.

От составителей

Аланы-осетины в российской и зарубежной историографии

Ведь старина, вымысел и чудесное называются мифами, история же – будь то древняя или новая – требует истины, а чудесному нет в ней места.
Страбон. География. XI, V. 3.

История минувших эпох покрыта завесой тайны. Многочисленные исторические источники, повествующие о жизни, быте и культуре царств, народов и кочевых племён древности, не всегда отличались конкретикой, полнотой и точностью описываемых событий. Порой, чтобы собрать мозаику этнической истории того или иного народа, приходилось по крупицам сопоставлять различные данные, находящиеся в плоскости культуры, истории, географии, археологии, этнологии, топонимики, антропологии и даже мифологии.

Одно из могущественных племенных объединений древности – аланы – всегда будоражили воображение исследователей. Они оставили значительный след в истории, военном деле, культуре не только в ареале своего формирования – южнорусских степях, но и на территории Европы, в истории и культуре раннего Средневековья, только зарождающейся западноевропейской цивилизации, куда под мощным натиском хуннов (гуннов) большая группа их была вынуждена мигрировать. Оставшаяся же часть образовала на Северном Кавказе и в предкавказских степях раннефеодальное государство Алания.

Военное дело римлян, катафрактарии, предания о короле Артуре, боевые собаки, аланские лошади – это лишь малая часть аланского наследия Европы. Многие артефакты, свидетельствующие о разных периодах истории алан, затерялись во времени, а другие ждут своего часа в различных европейских архивах. Несомненно, нас ещё ожидают открытия в области археологии. Однако и тот исторический материал, сохранишийся до наших дней, достаточен для того, чтобы свидетельствовать о важной роли, которую играли средневековые аланские племена в общекавказской и европейской истории. Ярким примером этому могут служить мифы и предания о происхождении европейцев. Так, подчёркивая значимость аланского наследия в Западной Европе и влияния алан в целом на раннюю европейскую культуру, Б. Бахрах в своей работе «Аланы на Западе» ссылается на средневековую арморикaнскую легенду, согласно которой родоначальником Европы был Аланус[1]. Продолжая тему, известный археолог В. Б. Ковалевская пишет, что «характеризует отношения древних авторов к Аланам

[1] Бахрах Б. Аланы на Западе. – М.: Ард, 1993. – С. 6.

тот факт, что автор составленной в IX в. Historia Brittorum, Ненний, эпонимом (родоначальником) Европы называет Алана (Алануса), вводя его в библейский генеалогический ряд»[2]. Согласно преданию, этот персонаж был сыном Яфета, внуком Ноя, и являлся предком бретонцев, бургундов, готов, франков, вандалов и т. д. Второе предание провозглашает Алануса предком бретонцев, возводя его к Энею из Трои и к Яфету[3].

Однако уже тогда предпринимались попытки переписать историю, и даже мифологию интерпретировать в интересах вновь возникающей элиты социальной структуры в условиях меняющейся политической конъюнктуры. Политические реалии любого времени требовали соответствующего мифологического сопровождения. К примеру, искажение, а то и просто замалчивание роли сарматов и алан в исторических процессах в Европе началось в период, когда само название алан громко звучало на всём континенте. И неизвестно, чего в этом звучании было больше по отношению к аланам – страха, ужаса, ненависти или восхищения. Французский исследователь Ярослав Лебединский отмечает, что «роль алан несомненна в истории Галлии в период Великого переселения народов, именно в решающую эпоху перехода от Галлии римской сначала к римско-варварским королевствам, а затем и к меровингской Франкии. Безоговорочна и их культурная экспансия на страну, которая впоследствии должна была называться Францией, а аланы (пусть даже в малой пропорции) входят в число предков французов»[4]. Впоследствии во французской исторической традиции роль алан стала замалчиваться. Они не только оказались в забвении французской исторической памяти эпохи Великого переселения народов[5], но и стали народом, история которого подверглась безжалостному искажению.

К примеру, согласно В. Б. Ковалевской, дальнейшее «игнорирование роли Алан в истории Западной Европы связано с Франкской исторической традицией, начиная с Фредегара, который имя Алан заменил на Франка»[6]. Согласно анонимной «Книге истории франков» франки получили свою независимость от Рима, или были освобождены от дани в награду за победу над аланами, обитавшими на Азовском море. Между тем, исторические хроники молчат по поводу войны между франками и аланами. Более того, аланы впервые соприкоснулись с франками только в начале V в. (406–407 вв.), когда передовые отряды алан форсировали замёрзший Рейн[7]. И всё же причины для подобных искажений фактов в раннефранкских источниках были разными. К примеру, аланы во главе с Респендиалом, перешедшие реку Рейн, прошлись по всей Галлии огнём и мечом, практически уничтожая всё на своём пути. Вполне объяснимо желание франков вытравить из своей памяти всё, что было связано с аланами, принизить их значение в истории страны, дабы отомстить им за нанесённые поражения. Отголоски мнимых побед над аланами полумифического короля франков Меровея обнаруживаются в романе Оноре д'Юрфе «Астрея», опубликованном в начале XVII в.[8]

Современные фальсификаторы истории преследуют совершенно иные цели. В последнее время на Северном Кавказе наблюдается тенденция политизировать «аланский вопрос». В центре внимания мифотворцев от науки оказываются аланы, образовавшие в раннем Средневековье крупное политическое объединение на Северном Кавказе. Его история обстоятельно

---

[2] Ковалевская В. Б. Аланы в Западной Европе. Сопоставление данных истории, археологии, лингвистики и антропологии //Аланы: Западная Европа и Византия / Отв. ред. В. Х. Тменов. – Владикавказ: Сев. – Осет. ин-т гуманитарных исследований,1992. – С. 74.

[3] Лебединский Я. Сарматы и аланы в Галлии IV–V вв. История и наследство / Серия «Алано-Кавказская библиотека». – Владикавказ: Проект-Пресс, 2016.

[4] Лебединский Я. Указ. соч. – С. 87–188.

[5] Лебединский Я. Указ. соч. – С. 89.

[6] Ковалевская В. Б. Указ. соч. – С. 74.

[7] Лебединский Я. Указ. соч. – С. 171.

[8] Там же. – С. 172.

изучена не только отечественной, но и зарубежной историографией, в первую очередь, по археологическим и этнографическим материалам, а также по многочисленным письменным источникам.

Естественно, что аланское влияние распространялось в Центральном и Северо-Западном Кавказе на народы, с которыми они соприкасались в его предгорьях, и они косвенно являются частью истории, прошлого народов Кавказа. Подобно тому, как и могущественное племя хазар, частью объединения которых в своё время являлась Алания. Однако прямыми потомками аланских племён, аорсов и сираков, оставшихся в регионе после нашествия гуннов (хуннов), следует считать осетин. Это определение давно утвердилось в мировой исторической науке и не существует аргументированных предпосылок для его пересмотра. Все исследователи, приверженцы подобного взгляда на проблематику, опирались на два основных маркера – осетинский язык, уходящий корнями в индо-иранский мир, Нартовский эпос и другие ярко выраженные элементы духовной культуры осетин, в которых чётко прослеживается преемственность со скифо-сармато-аланской культурой.

Переписать историю в локальном масштабе, игнорируя огромный пласт источников и исследований, составивших солидную источниковую базу, формирование которой началось в конце XVIII – начале XIX в., невозможно. Важно отметить, что идея алано-осетинской преемственности появилась вовсе не в осетинском научном сообществе.

Впервые в научной литературе концепция о генетической связи осетин с аланами была озвучена **Герхардом Фридрихом Миллером**, русским историком, профессором и членом Санкт-Петербургской академии наук. В своей работе «О народах, издревле в России обитавших», изданной в 1773 г., он высказал мнение о родстве *осетин* с раннесредневековым аланским племенем *ассы*. Говоря о том, что «Алане были Готский народ», он далее продолжает: «Карпини и Рубрук в тринадцатом веке упоминают об аланах, коих они при путешествии своём находили. Первый равняет их с черкасами, и даёт им прозвание Ассы, которое, кажется в сродстве с нынешними Оссетами»[9].

Далее, в 1802 г. польский учёный и путешественник **Ян Потоцкий** издал в Санкт-Петербурге книгу на французском языке под названием «Начальная история народов России», в которой автор специально рассматривал вопрос о происхождении осетин. Почётный член Императорской академии наук Я. Потоцкий занимался древней историей народов России, в том числе и в контексте скифской проблематики. Согласно его выводам, осетины являются ветвью алан-асов, потомками «осилов» Птолемея, «сарматов-мидян» Диодора Сицилийского и Плиния[10]. Глава, в которой говорилось о происхождении осетин, впоследствии вошла в двухтомный труд Я. Потоцкого «Путешествие в астраханские степи и на Кавказ», который был опубликован в Париже в 1829 г. уже после смерти автора по инициативе и под редакцией Юлиуса Клапрота[11].

Известный немецкий востоковед первой половины XIX века **Юлиус Клапрот** не является пионером в установлении и изучении осетино-аланских взаимосвязей, однако в исторической науке принято считать за точку отсчёта именно его взгляд на проблему этногенеза осетинского народа. В начале XIX в. Клапротом было выдвинуто утверждение о генетической связи осетин с аланами – одним из крупнейших ираноязычных племенных объединений древности, которое как античные, так и средневековые историки и географы с I в. н. э. прочно локализуют на Северном Кавказе. Дальнейшие исследования лишь показывали верность этой концепции.

В 1812–1814 гг. Ю. Клапрот издаёт в Германии два тома книги «Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807–1808 гг.», где впервые было высказано предположение

---

[9] Миллер Г. Ф. О народах, издревле в России обитавших. – СПб., 1773.

[10] Гаглойти Ю. С. Аланы и вопросы этногенеза осетин. – Тбилиси: Мецниереба, 1966.

[11] Potocki J. Voyage dans les steps d'Astrakhan et du Caucase. T. I–II. – Paris, 1829.

о генетической взаимосвязи ираноязычных осетин со скифами, сарматами и аланами. Позже, в 1822 г. в Париже отдельной брошюрой была издана его же работа («Mémoire dans lequel on prouve l'identité des Ossètes, peuplade du Caucase, avec les Alains du Moyen-Âge». Annales des Voyages. XVI. 1822), в которой учёный в развёрнутой форме ещё раз обосновал выдвинутые им гипотезы идентичности алан с осетинами. Статья Ю. Клапрота в последующем и будет считаться доказательством его приоритета в этой области. Согласно его утверждению, в VII в. до н. э. скифы переселили колонии мидийцев «в Сарматскую страну, расположенную в северной части Кавказа… Современные осетины происходят от этой колонии…»[12]. При этом он отмечал генетическую преемственность средневековых алан и позднейших осетин (осетины – «это одновременно и аланы»).

Справедливости ради необходимо отметить, что до начала XIX в., то есть до фундаментальных работ Юлиуса Клапрота, чёткой ясности в вопросе этногенеза осетин среди интересантов не существовало. Так, **М. В. Ломоносов** предками осетин считал или славян, или финно-угров; в своём труде «Древняя российская история» (1766 г.) он относил ясов и алан к «словенскому либо чудскому поколению». Протопоп Иоанн Болгарский в донесении 1780 г. архиепископу Астраханскому и Ставропольскому Антонию писал: «Что касается до самих сих народов, которых мы называем осетинцами, откуда они или от кого именно начало своё приняли, о том ни прежде, ни ныне совершенно узнать невозможно…»[13].

Практически ничего не говорится об осетинах и в первом сводном труде о народах России, автором которого был **Иоганн Готлиб Георги** (1776 г.). А в «Историографической записке» в разделе «Оссы или осетинцы» лишь указано, что «история их покрыта неизвестностью»[14].

Одной из причин столь большого интереса к осетинам как этносу среди исследователей следует считать резкое отличие осетинского языка от языков других народов Северного Кавказа, что не могло не породить совершенно фантастических, на первый взгляд, теорий о происхождении осетин. Так, **Иоганн Антон Гильденштедт,** который путешествовал по Кавказу в 1770 и 1773 гг., считал осетин остатками половцев, бежавших якобы после поражения в битве с русскими войсками, возглавляемыми Владимиром Мономахом в 1111 г. у притока реки Дон, в Кавказские горы[15]. Версий этногенеза осетин было предостаточно (некоторые исследователи всерьёз считали их потомками этрусков), однако они не получили развития ввиду отсутствия каких-либо перспектив научного обоснования.

На этом фоне теория Ю. Клапрота оказалась наиболее привлекательной в силу своей ясности и чёткости формулировок. К концепции Я. Потоцкого и Ю. Клапрота примыкал и швейцарский археолог, этнограф и натуралист **Фредерик Дюбуа де Монпере,** посвятивший этнической истории осетин специальную главу в IV томе своего труда «Путешествия вокруг Кавказа»[16]. Фр. Монпере рассматривал «алан, асов и иронов-осов» как родственные между собой племена, тремя разновременными волнами переселившиеся на Кавказ».

Август Гакстгаузен, вслед за Герхардом Миллером, придерживался германской теории происхождения осетин, но считал, что они происходят от готских и других германских племён, разбитых гуннами и укрывшихся в горах Кавказа. По его мнению, готы подчинили себе *«первоначальных кавказских жителей, осетинов и аланов»*, заимствовали их язык и образовали вместе с ними новый народ[17].

---

[12] Осетины глазами русских и иностранных путешественников /Сост. Б. А. Калоев. – Орджоникидзе, 1967.

[13] Русско-осетинские отношения в XVIII в. Сб. док. – Т. II / Сост. М. М. Блиев. – Орджоникидзе, 1984.

[14] Историо-географическая записка о странах между морями Чёрным и Каспийским. – СПб., 1810.

[15] Гильденштедт И. А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. – СПб., 1803.

[16] Montpereux F. D. de. Voyage autor du Caucase. – T. IV. – Paris, 1840.

[17] Гакстгаузен А. Закавказский край. – Ч. II. СПб., 1857.

А. М. Шёгрен (Andreas Johan Sjögren), развивая идеи Ю. Клапрота, доказывал ираноязычность осетин лингвистическими аргументами, им была создана первая грамматика осетинского языка, специальный алфавит на основе кириллической системы письма[18].

Ещё одна теория принадлежит французскому учёному **Вивьену де Сен-Мартену**, который считал, что аланы оказались на Северном Кавказе в результате миграции из Согдианы и Арала в I–III вв. н. э.[19]. Учёный связывал появление осетин на Северном Кавказе со скифским вторжением в Закавказье в VII в. до н. э., видя отражение этого события в сообщении грузинских источников о нашествии «хазаров». Так же, как и другие исследователи до него, он отождествлял хазар со скифами. Согласно Сен-Мартену, предками осетин были исседоны, которые «ещё во времена Митридатовых войн должны были находиться на Кавказе»[20]. Относя осетин к ираноязычным народам, он рассматривал их как поселенцев, внедрившихся в среду древнего населения Кавказа, которое по отношению к осетинам «может рассматриваться как аборигенное». Вместе с тем он категорически утверждал, что аланы не являются тем же народом, что и кавказские асы, считая, что в определённую эпоху «аланы покорили страну асов, вследствие чего соседние народы стали обозначать покорённый народ именем победителей. Однако обе народности не перестали быть различными с этнографической точки зрения, потому что сила оружия постепенно сблизила их между собой». В то же время Сент-Мартен придавал большое значение изучению «осетинского языка, вне всякого сомнения, самого важного из языков Кавказа из-за его связей с основными языками Европы и Азии большой индоевропейской группы». Французский учёный весьма комплементарен к Ю. Клапроту, исследования которого, по его мнению, «привлекли внимание учёных Европы к одному из самых замечательных народов тамошних высокогорий, к жителям Осетии». Однако он не преминул подчеркнуть, что «этот учёный допустил большую ошибку, одновременно историческое и этнологическое смешение, идентифицируя кавказских ясов и алан, которые завладели Осетией в первые века нашей эры». В. де Сент-Мартен высказывался и против этнонима «осетины». «Это название, постоянно употребляемое г-ном Шёгреном, так же как и Клапротом и всеми другими русскими, немецкими и французскими авторами, тем не менее не является подлинным этнонимом: это слово совершенно неправильного образования… грузины всегда называли иронов осами, а их страну Осетией, добавляя к названию народа окончание, которое в грузинском языке служит для обозначения территории в целом. Осетия, таким образом, означает страну, а не народ. Но русские, в свою очередь, придали этому слову форму «осетинцы», жители Осетии, а другие народы Европы переняли эту форму, смягчили её и сделали из неё название «осеты», которое и закрепилось в употреблении»[21].

Теория аланского происхождения осетин всё более утверждалась среди мировой научной общественности, находя новых приверженцев, хотя сомнения по поводу ранних периодов истории всё ещё оставались. Так, в 1836 г. был издан большой коллективный труд под названием «Обозрение Российских владений за Кавказом», в котором автор раздела «Осетины» **Александр Григорьевич Яновский** с сожалением отмечал: «Нет никаких источников, из которых можно бы вынести заключение о населении Осетии в разные эпохи». Однако далее в работе сказано, что все осетины – и северные, и южные – «одного происхождения, имеют собственный язык». Издатель книги В. Легкобытов в комментариях к ней привёл идею Ю. Клапрота о «мидо-аланских» корнях осетин и обратил внимание на то, что аланы арабских географов жили там же, где и аланы Птолемея и Иосифа Флавия и «где ныне живут Оссетины».

---

[18] Шёгрен А. М. Осетинские исследования / Сост. и перев. Т. Т. Камболов. – Владикавказ, 1998.

[19] Saint-Martin V. de. Recherches sur les populations primitives. – P. 168.

[20] Цит. по: Charpentier J. Die etnographische Stelhing der Tocharer // ZDMG, 1917.

[21] Шёгрен А. М. Осетинские исследования / Сост. и перев. Т. Т. Камболов. – Владикавказ, 1998.

Следовательно, и в начале н. э., и в XIV, и в XIX вв. народ этот оставался «там же и что поэтому не без основания Осетины могут быть признаны Кавказскими Аланами средних веков»[22].

Примерно в это же время **Иоганн Бларамберг** завершает работу над своим фундаментальным трудом о горских народах. Касаясь происхождения осетин, он, вслед за Ю. Клапротом и В. Легкобытовым, назвал их потомками «сармато-мидийцев» и «алан». И. Бларамберг использовал свидетельства Константина Багрянородного, Иосафата Барбаро, древнерусские летописи, сочинения армянских авторов, арабских историков и географов, грузинские хроники. Несмотря на весьма критичный подход к указанным источникам, он всё же пришёл к выводу о тождестве алан и осетин[23].

Значимыми для осетиноведения первой половины XIX в. являются работы словацкого и чешского слависта **Павла Йозефа Шафарика,** автора фундаментальной работы «Славянские древности» (1847 г.), который также коснулся вопроса происхождения осетин. П. Й. Шафарик полностью отождествлял осетин с аланами, рассматривая последних в тесной связи с языгами и роксоланами. Называя алан «сильным народом Сарматского племени», он писал об их происхождении: «Этот народ начинает показываться из Скифской и Савроматской тьмы в первый раз в конце I в. по Р. Х., но в Азиатской истории память о нём идёт далее в древность». В другом месте учёный высказался более определённо: «Главное местопребывание этого древнего народа было за Доном, в степях между Меотидой, Кавказом и Хвалынским (Каспийским. – Ред.) морем, а *колыбель* его – Мидо-Персия, из коей долгое время выходили в Европу многочисленные полчища его, известные под именем Роксалан, Язигов и Алан…». Касаясь проблемы соотношения алан с осетинами, П. Й. Шафарик подчеркнул: «Нынешние Аланы, обитающие в Северной части Кавказских гор, называют сами себя Ирон, а землю свою – Иронистон, напротив того, Грузинцы именуют их Осами или Овсами, землю их – Осетией, русские же – Асами, Осетинцами (Осами, Осетинцами)»[24].

В целом к середине XIX в. сложилось довольно прочное мнение не только о происхождении осетин от алан, но и о корнях самих алан. О степени распространения этих знаний свидетельствует пример митрополита **Макария,** который в своей «Истории русской церкви» говорил о «многочисленных свидетельствах древности о наших аланах, об их родстве с царскими скифами Геродота, об их тождестве с массагетами, сарматами и проч., и проч.»[25].

Во второй половине XIX в. на Кавказе появляются новые периодические издания, которые довольно подробно освещают жизнь горцев. Среди них «Сборник сведений о кавказских горцах», «Сборник сведений о Кавказе», газета «Терские ведомости» и др. Именно в этих сборниках появляются статьи «Материалы для древней истории осетин», «Народное право осетин», в которых член Кавказского отделения Императорского Русского географического общества **В. Пфаф** предпринял первую попытку систематизированного описания истории алан-осетин с древнейших времён до Крестьянской реформы 1861 г. Однако выводы, которые делал В. Пфаф по следам своих экспедиций в Осетию, не всегда можно назвать научными. Гипотезы учёного по видению исторического прошлого Осетии порой страдали необоснованным разнообразием, при том, что он не особо заботился об их подтверждении историческими данными, что приводило к серьёзным ошибкам в выводах. К примеру, по его мнению, «осетины по своему происхождению иранцы и принадлежат к той ветви мидо-персидского племени, которая в Европе известна под названием сарматов». Свой вывод В. Пфаф обосновывал этимологией названий крупнейших южнорусских рек, которые объясняются из осетинского языка, самоназванием осетин «ирон», наличием в осетинском языке индоевропейских слов, некоторыми

[22] Обозрение российских владений за Кавказом. Ч. 2. – СПб., 1836. – С.186–187.

[23] Бларамберг И. Кавказская рукопись. – Ставрополь, 1992.

[24] Шафарик П. Й. Славянские древности: В 2 томах (Slovanské starožitnosti) / Пер. О. М. Бодянского. – 2-е изд. – М.: Университетская тип., 1847.

[25] Гутнов Ф. Х. Ранние аланы. Проблемы этносоциальной истории. – Владикавказ, 2001.

«арийскими» якобы обычаями и, наконец, наружностью осетин. Вывод В. Пфафа о прямой генетической связи осетин с древними сарматами вполне обоснован. Однако тут же он утверждает, что «осетины никогда не были чистыми сарматами, – они уже в глубочайшей древности перемешались со многими другими племенами, прежде и раньше всего с каким-то семитическим племенем» и что «в этнологическом отношении осетины представляют странную и поэтому в высшей степени интересную смесь еврейских и мидо-персидских элементов, с заимствованиями от других народностей, с которыми они в продолжение своей многовековой истории бывали в соприкосновении»[26].

Не осталась незамеченной эта непоследовательность в выводах и для редакции издания «Сборник сведений о кавказских горцах», где печатались материалы В. Пфафа. В рецензии к его работам указывалось, что в них «не видно полного основания для принятия тех выводов и предложений, к которым приходит автор»[27]. В целом суть претензий у исследователей к В. Пфафу сводилась к следующим моментам. Так, он подменил конкретный анализ этногенеза осетин общими рассуждениями об их ираноязычных предках (сарматах, аланах) и «совершенно фантастическим» утверждением о синтезе иранцев-осетин с семитами в XV в. до н. э.[28]. Согласно Ю. С. Гаглойти, утверждение Пфафа о смешении осетин-иранцев с семитами около XV в. до н. э. не подтверждается абсолютно никакими историческими данными[29].

Справедливо рассматривая Нартовский эпос как ценный источник, В. Пфаф в трактовке фольклорных сюжетов был чересчур прямолинеен, ошибочно приняв нартов за реально существовавший народ. Он отождествляет легендарных нартов осетинских сказаний с воинственным народом мардов, живших, по данным древних авторов, на южном берегу Каспийского моря и в горах Эльбруса. По его мнению, эти марды (нарты-осетины) «могли перенести название Эльбрус на высочайшую вершину Кавказа, около которой они, вероятно, впервые поселились»[30]. Однако следует учесть, что, согласно исследованиям специалистов, нарты являются фольклорным отражением предков осетин: скифов, сарматов, алан. Большинство сюжетов эпоса осетин имеет аналогии из истории и быта ираноязычных племён юга России[31]. Помимо этого, В. Пфаф значительно расширяет круг ираноязычных предков осетин и пишет, что предки последних «принадлежали к великой семье народов, населявших, вместе с некоторыми семитическими племенами, Иранское плоскогорье и, вероятно, называвшие себя общим именем или Ирон, или Ары (арии Геродота)». Он также не противопоставляет друг другу алан и осов и правильно отмечает наличие двух волн ираноязычных племён на Северном Кавказе. В. Пфаф считает, что в конце I в. до н. э. – начале I в. н. э. приходят в движение кочевые народы, населявшие Туранскую низменность и часть среднеазиатского плоскогорья. В числе первых в Европу пришли аланы – «потомки той ветви древних массагетов, которые уже во время Кира обитали в степях, на восточном берегу Каспийского моря». Аланы вторглись на Северный Кавказ, где тогда уже обитала «другая ветвь громадного мидо-персидского племени, известная здесь под названием осов или нартов. Так как осы говорили на том же языке и, вероятно, придерживались, вследствие общего происхождения, тех же обычаев, как и аланы, то последние легко с ними могли смешаться и составить один народ»[32].

И всё же, несмотря на то, что ценность работ В. Пфафа, в которых был собран почти весь доступный в то время материал, в значительной мере снижалась не подтверждёнными фактическими материалами, произвольными построениями, они имели определённое значение в

[26] Пфаф В. Б. Материалы для истории осетин // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 4. – Тифлис, 1870. – С. 2–8.

[27] Пфаф В. Б. Указ. соч. С. 23.

[28] Там же.

[29] Гаглойти Ю. С. Аланы и вопросы этногенеза осетин. – Тбилиси: Мецниереба, 1966. – С. 16.

[30] Там же.

[31] См. работы Ж. Дюмезиля и В. И. Абаева.

[32] Гаглойти Ю. С. Указ. соч. – С. 16.

повышении интереса к изучению далёкого прошлого осетинского народа. К его бесспорным заслугам следует отнести первую в литературе широкую и разностороннюю характеристику социальных отношений у алан-осетин[33].

Нельзя не отметить и труды, посвящённые Осетии и осетинам, другого русского исследователя – **Д. Я. Лаврова**. Его работа под названием «Исторические сведения об Осетии и осетинах» была опубликована в «Сборнике материалов для описания местностей и племён Кавказа» в 1883 г. в Тифлисе. Данные, предоставленные автором, весьма интересны для анализа, и представляют собой неожиданные версии этногенеза осетин. В частности со ссылкой на учёного Шопена, который занимался сбором историко-филологических сведений относительно прошлого осетин, он пишет, что «названия «оссы, осси» как прототип «осетины» и «ироны» – производное от «ир» – представляют слова-названия, имеющие один исторический источник своего происхождения. Так, г. Шопен сообщает, что древнейшие китайские летописи упоминают о народе «ир», названном впоследствии (не ранее 2300 л. до Р. Х.) на зендском и санскритском наречиях «и-ры; а-и-ры», по некоторым произношениям, «виры», откуда и латинское vir. Эти виры или иры поклонялись зодиакальному тельцу Оссу». В VII в. до Р. Х. скифы во время вторжения в Азию захватили в плен целую колонию иров и поселили их на севере Кавказа, где обитали «поклонники коня»[34]. Ещё одна версия, приведённая Д. Л. Лавровым, говорит о тождестве осов-осетин с Геродотовыми исседонами[35]. Помимо прочего, Д. Л. Лавров приводит следующий исторический факт: «Помпей, разбивший Митридата Понтийского, настойчиво преследовал его через земли осетин-аланов и Кавказские ворота. Аланы, собравшие 60 тысяч пехоты и 22 тысячи конницы, хотели было отразить дальних иноземцев, но были разбиты. Римские войска в числе сражавшихся аланов-осетин заметили много женщин. Последнее обстоятельство ввиду существовавшего у древних народов сказания об амазонках было причиной того, что римские солдаты некоторые из найденных после сражения предметов одежды и вооружения признали амазонскими»[36].

К проблеме этногенеза осетин не оставались равнодушными также представители грузинской интеллигенции, о чём можно судить по статье **Ильи Чавчавадзе**, опубликованной в номере 13 газеты «Иверия» и посвящённой этнической принадлежности осетин. Разбирая и анализируя существующие теории по этому вопросу, И.Чавчавадзе выступает в этой статье как сторонник сарматского происхождения осетин[37].

Крупнейший представитель российской науки конца XIX и начала XX в. **Всеволод Фёдорович Миллер** в 1879–1886 гг. совершил шесть научных экспедиций в Осетию, основательно овладев языком, записывал фольклорные памятники, изучал быт и верования народа. В ходе работы над историей он широко использовал данные таких нетрадиционных источников, как лингвистика, топонимика, нумизматика и др., стремясь извлечь из них хотя бы «долю подлинной исторической истины». Нет необходимости в анализе всех его работ, поэтому в контексте озвученной темы мы обратимся лишь к третьей части фундаментального труда, в которой рассмотрены вопросы древней и средневековой истории алан. Именно в третьем томе В. Ф. Миллер убедительно обосновал генетическую связь между кавказскими аланами и осетинами, приведя доказательства того, что имя кавказских алан распространялось на предков осетин. Рассматривая древние и средневековые периоды жизни «оссов» (алан), В. Ф. Миллер детально остановился на вопросе исторической этнонимии и доказал принадлежность этнони-

---

[33] Косвен М. О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке. – КЭС. Т. 11. – М., 1959.

[34] Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах / Сост. Л. А. Чибиров. – Владикавказ: Проект-Пресс. 2-е изд. – Т.1, 2014.

[35] Там же. С. 449.

[36] Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах / Сост. Л. А. Чибиров. – Владикавказ: Проект-Пресс. 2-е изд. – Т.1, 2014. – С. 455.

[37] Шамелишвили Р. Илья Чавчавадзе о предках осетин // Фидиуæг (на осетинском языке). – Цхинвали, 1963. № 4.

мов *ос, алан* и *яс* к одному и тому же народу[38]. Опираясь на солидную источниковую базу, он пришёл к убеждению о принадлежности языка осетин «к иранской группе индоевропейской семьи»; предки осетин «входили в состав тех иранских кочевых племён, которые были известны за многие столетия до Р. Х. под именем сарматов и отчасти скифов…»[39]. Исходя из лингвистических и исторических данных о времени появления древних предков осетин на Северном Кавказе, В. Ф. Миллер считал, что они «входили в состав тех иранских кочевых племён, которые были известны за многие столетия до н. э. под именем сарматов и отчасти скифов и занимали припонтийские и приазовские степи на протяжении от нижнего Дуная до Волги и Урала». Время появления ираноязычных племён в причерноморских и приазовских степях В. Ф. Миллер относил по меньшей мере к X в. до н. э. Указывая на генетическую связь алан с сарматами и скифами, он в то же время высказывал предположение о возможности сближения с ними массагетов. Это положение Миллера подтвердилось последующими исследованиями. В другой работе учёный писал, что осетины являются остатком большого иранского племени, в классическую древность известного под именем понтийских скифов и сарматов, а в средние века – под именем алан. Проанализировав весь пласт античных, древнеармянских и древнегрузинских исторических памятников, В. Ф. Миллер, по сути, воссоздал жизнь аланских племён I–IV вв.[40] «Осетинские этюды» его бесспорно являются достоянием мировой науки и до сих пор вызывают большой интерес.

Разбирая возможные маршруты движения предков осетин на «их место жительства на северокавказской плоскости и в горах», В. Ф. Миллер писал: «У нас нет ни одного прямого исторического указания» на эту тему, поэтому «остаётся прибегнуть к данным языка, к рассмотрению культурных слоёв и спросить себя, не сохранилось ли в них каких-нибудь следов пути, которым шли предки осетин, прежде чем водворились на Северном Кавказе». Предпринятый анализ осетинских названий металлов убедил учёного в том, что аланы «должны были двигаться не с юга…, а с севера, близ обильных металлами отрогов Урала…»[41]. Многие исследователи придерживаются этой точки зрения[42].

Важным событием для отечественного кавказоведения стало издание трудов известного общественного деятеля, учёного, академика Императорской Санкт-Петербургской академии наук **М. М. Ковалевского**. Помимо фундаментальных исследований в области древнерусской старины, Средневековья, феодализма и ряда других, закрепивших за ним славу «выдающегося русского учёного», М. М. Ковалевский очень живо интересовался и прошлым осетинского народа. В монографии «Современный обычай и древний закон» он намеревался «объяснить фактами из быта этого народа многие вопросы древнего права»[43]. В предисловии к основному тексту М. М. Ковалевский остановился на раннесредневековом периоде истории осетин. По убеждению учёного, «Всеволоду Миллеру окончательно удалось обосновать тот взгляд, что осетинский язык принадлежит к иранской ветви арийских языков»[44]. Далее, согласно ему же, иранское происхождение осетин, «доказанное В. Миллером лингвистическими данными», нашло подтверждение в письменных источниках и археологических материалах. В давние времена на Северном Кавказе появились «кочевья Иранцев… в их числе были *Аланы,* отождествляемые нередко средневековыми писателями с народом *Асси* или *Яссы* наших летописей, иначе говоря, с осетинами». Мысль о тождестве алан и осетин показалась М. М. Ковалевскому настолько значимой, что он повторил её ещё раз: «Показания грузинских летописцев о древно-

[38] Miller V. Die Sprache der Osseten. – Strassburg, 1903.

[39] Там же. – С. 100–101.

[40] Ковалевский М. М. Современный обычай и древний закон. В 2 томах. – М., 1886. Т. 1. – С. 45–48.

[41] Миллер В. Ф. Осетинские этюды. – М., 1887. – С. 11–12.

[42] Гутнов Ф. Х. Ранние аланы. Проблемы этносоциальной истории. – Владикавказ, 2001. – С. 18.

[43] Ковалевский М. М. Современный обычай и древний закон. В 2 томах. – М., 1886. – Т. 1.

[44] Гутнов Ф. Х. Указ. соч. – С. 19.

сти Осетин находят себе решительное подтверждение в однохарактерных свидетельствах древних писателей об Аланах». В современных осетинах исследователь видел «уцелевший остаток многочисленных иранских поселений, какие расположены были некогда в Южной России». После нашествия монголов и Тимура они отошли в горы, где нашли «одновременно благоприятные условия для сохранения своей независимости и препятствия своему численному размножению»[45].

В контексте теории, предполагающей принадлежность осетинского языка к иранским, следует упомянуть и работы немецких учёных **Генриха Хюбшмана**[46] и **Карла Мюлленхоффа**[47]. Последний рассматривал осетин как потомков древних сарматов, связующим звеном между которыми он называл алан.

Бесспорным прорывом в осетиноведении, наряду с трудами В. Ф. Миллера, стала работа «Аланы по сведениям классических и византийских авторов» известного русского учёного, филолога-классика и историка **Ю. А. Кулаковского**. В своей книге он проследил в общих чертах политическую историю алан от времени их появления на европейской арене до монголо-татарских походов, а также счёл необходимым подчеркнуть актуальность исследования истории ираноязычных племён Кавказа, «так как судьбы алан составляют часть до-русской, если можно так выразиться, истории нашей родины»[48]. Касаясь проблемы этногенеза, учёный ограничился лишь констатацией того, что осетины «потомки и остаток древних алан». Он также посвятил специальную работу проблеме распространения христианства у алан[49].

Интерес к алано-осетинской проблематике не ослабевал у западных учёных и к началу XX в. К примеру, представитель немецкой исторической школы **Я. Шарпантье** в своей статье «Этнографическое положение тохаров», опубликованной в 1917 году, определяет современных ему осетин не потомками, но «соплеменниками» средневековых алан. Вместе с тем он отмечает, что «Осетины как самостоятельная часть большого аланского народа со своих насиженных мест в Трансоксиане и Согдиане попадают на Кавказ через юг Каспийского моря; в то время как собственно аланы шли из Киргизских степей и Поволжья в области на Кубани и Тереке»[50]. Шарпантье был глубоко убеждён в центральноазиатском происхождении как осетин, так и алан и фактически развил точку зрения В. Сен-Мартена, утверждавшего, что аланы и осетины были близкородственными, но разными народами. Аргументация его сводилась к следующему: «Их грузинские соседи всегда строго различали Алан-ети и Ос-ети; Константин Порфирородный упоминал алан, управляемых собственным царём, и асов (осетин) внутри Кавказа, среди которых находилось несколько вождей племён (Stammeshauptlinge); арабскому автору **Масуди** (943 по Р. Х.) также казалось необходимым проводить различие между аланами на севере и осетинами внутри Кавказа»[51].

Но, как справедливо полагает **Ю. С. Гаглойти**, эти аргументы весьма уязвимы: «Осами грузинские летописи и историки в разное время называли скифов, сарматов, алан и осетин. Иными словами, грузинская историография ставила знак равенства между названными этносами, тем самым признавая преемственность ираноязычных скифов-сарматов-алан-осетин. Константин Багрянородный в действительности различает не «царей алан» и «вождей осов» (как об этом писал Шарпантье), а «эксусиократора» Алании и «архонта Асии», кон-

[45] Ковалевский М. М. Указ. соч. Т. 1. – С.11–12, 15–21.

[46] Hubschmann H. Etymologie und Lautlehre, der Ossetischen Sprache. – Strassburg, 1887.

[47] Müllenhoff K.V. Deutsche Altertumskunde. B. III. – Berlin, 1892.

[48] Кулаковский Ю. Аланы по сведениям классических византийских писателей. Кн. 13, 1899.

[49] Христианство у Алан //Византийский временник. – 1898. T.V. Кн. 1.

[50] Charpentier J. Die ethnographische Stellung der Tocharer // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft: ZDMG. Bd. 71, 1917. – C. 363.

[51] Charpentier J. Die ethnographische Stellung der Tocharer // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft: ZDMG. Bd. 71, 1917. – C. 363–364.

тролировавшего Дарьяльский проход[52]. Современные специалисты в «эксусиократоре» единодушно видят царя Алании. Отношения эксусиократора Алании и архонта Асии сопоставимы, очевидно, с отношениями великого князя и местных князей Киевской Руси X в. Что касается Масуди, то в доступных нам переводах его трудов обнаружить противопоставление алан и осетин не удалось. Появление алан в Юго-Восточной Европе Я. Шарпантье относил к I в. н. э.: «Первыми классическими авторами, упоминавшими их (алан) имя, были Сенека и Лукан. К этому времени имя народа было уже довольно хорошо известно в Риме». Далее цитируется рассказ Иосифа Флавия о том, как император Тиберий спровоцировал алан к нападению на Парфию. Аланы, «перейдя Главный Кавказский хребет, разорили Армению и Мидию; с этим сообщением вполне оправданно сопоставимы заметки Тацита о сарматах». Уже тогда часть алан находилась «в устье Волги и далее южнее на Тереке и Кубани, где в средние века располагалось, собственно, Аланское государство»[53]. Далее Шарпантье, обращаясь к свидетельству Плиния о связи алан с роксоланами, последний этноним трактовал как «аланы на Волге», усматривая в первой части названия племени Rox-alani иранское название р. Волги[54]. Помимо прочего интересны и маршруты, по которым, согласно Я. Шарпантье, ираноязычные племена мигрировали из Средней Азии. Согласно ему, в то время как аланы через каспийские степи двинулись в Европу, предки осетин («часть древнего аланского народа») «пошли южным путём и через Гирканию пробивались далее на Центральный Кавказ». Концепцию Сент-Мартена – Шарпантье об аланах и осетинах как родственных, но различных частях одной этнической группы, в разное время и разными путями переселившихся на Кавказ, Ю. С. Гаглойти справедливо объясняет стремлением исследователей согласовать, казалось бы, взаимно исключающие, факты. Это – пребывание осетин (осов грузинских летописей) на Кавказе с древнейших времён, идентичность алан и осетин и, вместе с тем, появление этнонима «аланы» в античных источниках лишь в I в. н. э. Не найдя правильного решения данных вопросов, вышеназванные учёные нашли выход в трактовке алан и осетин как двух различных, хотя и родственных, частях одного народа[55].

Австрийский исследователь **Роберт Блайхштайнер** в своей работе «Das Volkder Alanen», вышедшей в Вене в 1918 г., называет осетин потомками сакского (скифского) народа, жившего некогда на Понте, чей язык, «как выяснилось из собственных имён, был предшественником осетинского. Этот народ с I в. н. э. выступает под именем алан, которое восходит к имени ариа, как называют себя восточные осетины». Вместе с тем, он отметил недопустимость полного отождествления алан с саками, так как «в состав алан вошло некоторое количество иноязычных племён, в особенности кавказских». Тем самым Р. Блайхштайнер объяснял наличие определённого количества неиндоевропейских слов в осетинском языке[56].

Г. В. Вернадский интересовался алано-славянскими связями. В истории ранних славян огромную роль он отводил Кавказу. Из «коренных племён Северного Кавказа», являющихся «особенно важными для изучающего русскую историю», исследователь выделил именно осетин (алан) «из-за их ранних и близких связей с русскими»[57].

Советская наука с её внушительной историографической традицией внесла весьма значительный вклад в полуторавековую историю развития аланистики. Новый импульс этому направлению был связан с усилением интереса к скифо-славянской проблематике[58].

---

[52] Гутнов Ф. Х. Указ. соч. – С. 17.

[53] Там же. – С. 18.

[54] Chagreptier J. Указ. соч. – С. 360.

[55] Гутнов Ф. Х. Указ. соч. – С. 18.

[56] Bleichsteiner R. Das Volk der Alanen (Berichte des Instituts für Osten und Orient 2). – Vienna, 1918.

[57] Вернадский Г. В. Киевская Русь / Пер. с англ. – Тверь: ЛЕАН, М.: АГРАФ, 1996. – С. 375–376.

[58] Соболевский А. И. Русско-скифские этюды // Известия отделения русского языка и словесности Рос. акад наук. Т.

Научное алановедение в советский период характеризовалось несколькими фундаментальными исследовательскими направлениями, особое место среди которых занимали вопросы изучения самого происхождения алан и условий их выхода на историческую арену. Известные в исследуемый период гипотезы были обозначены ранее, но именно советские исследователи – историки, лингвисты, археологи, этнологи – сформулировали основные подходы и главные концептуальные идеи.

Все выдвинутые на данный момент версии о происхождении алан с определённой степенью условности принято объединять в две группы, получившие название **автохтонистской и миграционной.** Советские исследования также подвергаются этому условному делению.

Среди сторонников первой концепции принято считать алан исконным кавказским народом, сформировавшимся на основе сарматских или позднескифских племён с той или иной долей участия неиранского кавказского субстрата. Своё начало автохтонная версия берёт от идеи, согласно которой аланы сформировались на позднеримской стадии развития сарматской культуры на местной основе. Известный советский учёный **К. Ф. Смирнов** уточнил, что аланы формировались в среде аорсской конфедерации, но в то же время он был «совершенно согласен с мыслью» о «тесной связи» алан «с массагетским массивом восточных племён». Учёный признал связь алан «с приуральско-приаральскими дахо-массагетами (и, вероятно, исседонами)»[59].

Наиболее последовательно идею местного сарматского происхождения алан отстаивает **Ю. С. Гаглойти**. Особую роль в аланском этногенезе он отводит аорсам, считая, что аланы изначально входили в состав именно их племенного объединения. В дальнейшем, в результате определённых объективных процессов, в частности перегруппировки племён, лидирующее положение на Северном Кавказе стали занимать аланы, после чего упоминания об аорсах, сираках, аланорсах пропадают со страниц письменных источников, а сохраняются только этнонимы «роксоланы» и «языги» как разновидности названия алан[60]. Попытку модернизации данной версии предприняли **В. Б. Виноградов** и **Я. Б. Березин**. Прослеживая эволюцию катакомбного обряда, они пришли к выводу, что под «сираками» с III в. до н. э. и «аланами» с I в. н. э. «на Северном Кавказе выступает формирующееся и, видимо, ко II в. до н. э., в основном, сложившееся этнокультурное сообщество, включавшее в себя полиэтничных потомков населения Предкавказья скифского времени, сарматские племена сираков, группу аорсов, алан, роксалан и т. п., но также и в различной степени сарматизированные местные племена»[61].

Доминирующую роль аорсов в формировании северокавказских алан признаёт и **В. А. Кузнецов**. Он отмечает, что «какая-то часть аорсов входила в массагетскую конфедерацию»[62], тем самым соглашаясь с фактом участия в аланском этногенезе центральноазиатских племён сако-массагетского круга. «Есть основания говорить о том, что аланское племенное объединение Кавказа сложилось на основе двух ираноязычных групп – сармато-аорсов Поволжья – Южного Приуралья и массагетов Средней Азии»[63].

XXVI. – Л., 1922. – С. 3–5, 9, 28 и др. и Толстов С. П. Из предыстории Руси // СЭ, VI–VII, 1947. – С. 53. Его же: Среднеазиатские скифы в свете новейших археологических открытий // ВДИ. № 2, 1963. – С. 24.

[59] Смирнов К. Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. – М., 1984. – С. 121.

[60] Гаглойти Ю. С. Аланы и вопросы этногенеза осетин. – Тбилиси, 1966. – С. 61–67; его же. К вопросу о первом упоминании алан на Сев. Кавказе (часть 1) // Аланы и Кавказ. Alanika. II— Владикавказ – Цхинвали, 1992. – С. 11–21; К вопросу о первом упоминании алан на Сев. Кавказе (часть 2) // Аланы: История и культура. Alanika. III. – Владикавказ, 1995. – С. 44–58; Алано-Георгика // Дарьял. – Владикавказ, 1995. № 2.

[61] Виноградов В.Б., Березин Я. Б. Катакомбные погребения и их носители в Центральном Предкавказье в III в. до н. э. // Античность и варварский мир. – Орджоникидзе, 1985. С. 54.

[62] Кузнецов В. А. Очерки истории алан. – 2-е изд. доп. – Владикавказ, 1992. – С.13.

[63] Кузнецов В. А. Очерки истории алан. – 2-е изд. доп. – Владикавказ, 1992. – С. 29.

«Миграционисты» полагают, что аланы являются пришельцами с востока, из Центральной Азии или даже Южной Сибири[64]. Научные позиции «миграционистов» укрепились в 80–90 гг. XX века, но преимущественно они преобладают среди исследователей постсоветского периода.

Также существует гипотеза **А. О. Наглера** и **Л. А. Чипировой,** согласно которой термин «аланы» изначально был не этническим, а социальным, и обозначал военную, дружинную прослойку различных сарматских племён, подчиняющуюся строгой дисциплине и нормам родового общества[65]. Однако, по мнению современных исследователей, эта точка зрения, послужившая своеобразной отправной точкой для некоторых последователей указанной концепции, носит не только слишком тезисный характер, но и содержит весьма невыверенные положения. Более того, в ней практически полностью отсутствует конкретный анализ самих источников, непосредственно касающихся собственно аланской проблемы. Основываясь на общих и спорных положениях о невозможности развития общества по пути классообразования при его земледельческом характере, о прогрессивном развитии общества только при взаимодействии двух хозяйственных начал (земледелие и скотоводство), завершающемся их синтезом, авторы пытаются в общих чертах проиллюстрировать выдвинутые положения на материале Азово-Каспийского междуморья. В данной контактной зоне кочевого и оседлого миров, где проходили торговые пути, «степь» якобы определяла экономическое и социальное становление оседлого мира. Постоянно двигавшиеся и в то же время оседавшие кочевники расставляли свои акценты в процессе его эволюции. Выполненное значительно позднее научное обращение к проблеме развития торговых связей Северного Кавказа и Причерноморья указывает, что высказанные Л. А. Чипировой и А. О. Наглером заключения настолько же далеки от реальной картины, насколько и не связаны с аланами. Утверждение же, что интенсивное развитие товарно-денежных отношений ускоряло социализацию общества у варваров, вновь остаётся вне собственно «аланского контекста»[66].

Интерес советской науки к изучению истории алан определялся и тем немалым значением, какое они имели в средневековой истории Юго-Востока СССР. Появляется ряд исследователей по этнологии, археологии, языкознанию, работы которых затрагивают как общие, так и частные вопросы жизни алан на Северном Кавказе, их связь со скифами и сарматами, с другими народами и пр. Весьма активно, в том числе, обсуждался вопрос культурной и генетической связи алан с «живыми» этносами этого региона. Это направление изначально и уже традиционно связано с вопросами этногенеза осетин.

В советский период проблема происхождения осетинского народа активно разрабатывалась **В. И. Абаевым, Е. И. Крупновым, З. Н. Ванеевым, В. А. Кузнецовым, Ю. С. Гаглойти, Б. В. Скитским** и др.

Тем не менее, начальный этап в постреволюционном изучении происхождения осетин всё-таки связан с именем **Н. Я. Марра**. В формировании осетинского этноса его в первую очередь интересовало участие местной кавказской среды, безусловно, имеющей существенное значение. Однако некий казус заключается в том, что, усердно опровергая высказанное ранее В. Ф. Миллером утверждение о том, что осетины по языку и происхождению не имеют ничего общего с другими кавказскими народами[67], Н. Я. Марр – сторонник социологизаторского схе-

---

[64] Керефов Б. М. Памятники сарматского времени Кабардино-Балкарии. – Нальчик, 1988; Раев Б. А. Аланы в евразийских степях: Восток-Запад // Скифия и Боспор: Археологические материалы к конференции памяти акад. М. И. Ростовцева (Ленинград, 14–17 марта 1989 г.). Новочеркасск, 1989. – С. 116–117; Скрипкин А. С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и её исторический аспект. – Саратов, 1990.

[65] Наглер А.О., Чипирова Л. А. К вопросу о развитии хозяйственных типов в древних обществах // Античность и варварский мир. Сб. научных трудов. – Орджоникидзе, 1985. – С. 87–91.

[66] Туаллагов А. А. Ранние аланы. – Владикавказ, 2014.

[67] Миллер В. Ф. Осетинские этюды. Ч. 3. – С. 6.

матизма[68] – высказал крайне неожиданное (если не парадоксальное) сомнение в принадлежности осетинского языка к иранской лингвистической группе индоевропейских языков.

Если В. Ф. Миллер полностью отрицал кавказские элементы в этногенезе осетин, то Н. Я. Марр сделал шаг, прямо противоположный, вообще отказав этому народу в генетических связях с аланами, указав, что алан – это «одна из форм множественного числа коренного кавказского этнического термина, в основе звучащего ал, или хал»[69]. Не удивительно, что эта идея не оказалась жизнеспособной. Н. Я. Марр не был твёрдо в ней уверен, поскольку отмечал, что, этнические и лингвистические признаки осетин не доследованы до требуемой глубины. Более того, анализируя «иранизм» осетин и курдов, он сам же задался вопросом – а не есть ли они «чистые ариоевропейцы иранской ветви, натурализовавшиеся в крае с усвоением некоторых языковых и бытовых черт окружающей племенной среды»[70]. По мнению Ю. С. Гаглойти, в своём стремлении любым путём доказать «яфетическое» происхождение осетин, Н. Я. Марр почти полностью игнорировал данные сравнительного языкознания, письменных источников, не оценивал значения такого важного показателя, как язык, и не пытался объяснить причины и условия появления иранского языка на Кавказе. Всё это привело к тому, что изучение им вопроса происхождения осетинского народа не получило удовлетворительного разрешения[71].

Академик **Ю. В. Готье** придерживался другой концепции, он считал осетин «остатком древних сарматов»[72]. Этот учёный также высказал оригинальную версию об этнической принадлежности салтовской культуры. Основываясь на близком сходстве салтовских могильников Дона и Донца с могильниками Северной Осетии, он доказал, что «памятники Салтова, тождественные памятникам Северной Осетии и современные им, должны были принадлежать тем же аланам, осам или ясам»[73].

Г. А. Кокиев в 1920-х годах XX века, исследуя вопросы времени и обстоятельств расселения осетин в горных ущельях Центрального Кавказа и Южных склонов хребта, также заинтересовался соотношением между аланами и осетинами[74]. Учёный утверждал, что этническое наименование алан-асов относится только к осетинам. Позже взгляды Г. А. Кокиева претерпели некие изменения под влиянием того факта (по мнению многих учёных, ошибочного), что Прокопий Кесарийский ещё в VI в. упоминает алан как общий термин для северокавказских племён.

Ю. С. Гаглойти уточнил, что учёные, ссылающиеся на Прокопия, исходили из его сообщения о том, что аланы доходят до Каспийских ворот, относя это к Дербентскому проходу. В то время как в действительности Каспийскими воротами византийский историк называл Дарьяльское ущелье[75]. Этот факт подтверждает, например, Ю. Кулаковский, указывая, что Вс. Ф. Миллер, ошибочно принимая Каспийские ворота за Дербентский проход, выводит из слов Прокопия неправильное заключение, будто он под Аланами разумеет «все северо-кавказские народы»[76].

---

[68] Монгайт А. Л. Возникновение и первые шаги советской археологии // История СССР. Т. IV. 1963. – С. 82–83.

[69] Марр Н. Я. К истории передвижения яфетических народов с юга на север Кавказа // Известия Императорской Академии наук. VI серия, 1916. Т. X. Вып. 15. – С. 1395.

[70] Марр Н. Племенной состав населения Кавказа. – Петроград, 1920. – С. 24–25.

[71] Гаглойти Ю. С. Аланы и вопросы этногенеза осетин. – Тбилиси, 1966. – С. 32.

[72] Готье Ю. В. Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы до основания первого Русского государства. – Л., 1925. – С. 252.

[73] Готье Ю. В. Кто были обитатели Верхнего Салтова // Известия Государственной Академии истории и материальной культуры. Т.V. – Л., 1927. – С. 80–81.

[74] Кокиев Г. А. Очерки по истории Осетии. Ч. 1. – Владикавказ, 1926.

[75] Гаглойти Ю. С. Аланы и вопросы этногенеза осетин. – Тбилиси, 1966. – С. 33.

[76] Кулаковский Ю. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. – Киев, 1899. – С. 46–47.

К 1920-м годам относится начало научной деятельности **Е. Г. Пчелиной**, которой принадлежит ряд весомых исследований по истории Осетии. К их числу относятся работы по археологии[77], этнографии осетин[78] и, конечно же, по отдельным вопросам средневековой истории алан[79]. Опираясь на собранные ею археологические и этнографические материалы, а также на знание фольклорных источников, Е. Г. Пчелина анализировала особенности материальной и духовной культуры осетин не только периода Средневековья, но и более ранних эпох. Она была первой, кто сумел связать археологические артефакты конца VI–VII вв. из Рекома с сюжетами и персонажами Нартовского эпоса. В одной из ранних работ она коротко изложила и свои взгляды на этногенез осетин, утверждая, что выдвинутая Н. Я. Марром теория не общепринята, и в целом Е. Г. Пчелина не оспаривала мнений Вс. Ф. Миллера и М. М. Ковалевского об иранизме (арийстве) осетин.

В духе яфетической теории Н. Я. Марра высказывались относительно этногенеза осетин Б. Е. Деген-Ковалевский и Л. А. Мацулевич. **Б. Е. Деген-Ковалевский** отрицал, что термин «алан» является именем какого-либо этнически определённого племени, считая, что основа этого имени имеет целый ряд соответствий в живых языках Кавказа. Он утверждал, что термин «алан» был «стадиальным термином, которым многие племена, в том числе и на Северном Кавказе, называли себя и своих соплеменников со значением «человек», «люди», «народ» и, следовательно, мог действительно относиться ко многим племенам[80]. Генетическую связь осетин с аланами, а также мнение о том, что осетины «осы» грузинских летописей являются остатком алан он объявил достоянием буржуазной науки[81]. И, при всём этом, укажем на достаточно парадоксальный факт – единственным источником для такого вывода послужили записи итальянского путешественника XV века Иосафата Барбаро, сведения которого не только не опровергают идентичность алан и асов, а как раз подкрепляют эту точку зрения.

Необходимо специально оговорить, что в целом по части иранского характера термина «алан», восходящего к древнеиранскому «ариана», в науке разногласий практически нет[82]. Специальную статью аланской проблематике посвятил и другой последователь Н. Марра – Л. А. Мацулевич[83]. Утверждая, что «аланы как народность, вызрели в сарматской среде», он отрицает их ираноязычность, вслед за Н. Марром, сближает их по языку с абхазами. Сами же сарматы в его представлениях являются исконными автохтонами Кавказа. По мнению В. А. Кузнецова, подобная постановка вопроса вообще лежит «вне науки»[84]. Что касается этногенеза осетин, то, не отрицая их идентичности аланам, Л. А. Мацулевич пишет, что осетины – это собственно осы или асы… в древней Руси известны под названием «ас». Вместе с тем он отмечает, что в Средней Азии есть параллельный полному названию осетин этно-

---

[77] Пчелина Е. Г. Два погребения времени алано-хазарской культуры из селения Лац в Северной Осетии //РАНИОН. Т. IV. – М., 1929. – С. 408–426.

[78] Пчелина Е. Г. Краткий историко-археологический очерк страны Ирон – Хуссар (Юго-Осетии) // Юго-Осетия. – Тифлис, 1924. – С. 233–251; её же: Обряд гостеприимства в Осетии // СЭ, 1932. № 6. – С. 140–163; Родильные обычаи у осетин // СЭ. № 4. – Л., 1937. – С.85–103.

[79] Пчелина Е. Г. Урсдонское ущелье в Северной Осетии //Труды отд. Истории культуры и искусства Востока. Т. IV. – Л., 1947; О местонахождении ясского города Дедякова по русским летописям и исторической литературе // Материалы и исследования по археологии СССР. № 114. 1963. – С. 152–161.

[80] Деген-Ковалевский Б. Е. Работа на строительстве Баксанской гидроэлектростанции. Археологические работы на новостройках // Известия Гос. Академии истории материальной культуры. № 110. 1935. – С. 28.

[81] Деген-Ковалевский Б. Е. Северокавказские аланы // История СССР с древнейших времён до образования древнерусского государства. Ч. 3–4. – М.—Л., 1939. – С. 445.

[82] Ахвелидиани Г. С. К вопросу о самоназвании осетин // Сборник избранных работ по осетинскому языку. Кн. 1. – Тбилиси, 1960. – С. 211–219; Гуриев Т. А. Несколько замечаний о происхождении этнического термина ir // Известия СОНИИ. Т. XXIII. Вып. 1. 1962. – С. 122–125; Gershevich I. Word and Spirit in Ossetic //BCOAS. Vol. XVII. P. 3. – London, 1955. – P. 485–486 и др.

[83] Мацулевич Л. А. Аланская проблема и этногенез Средней Азии // СЭ, 1947. № 5–7. – С. 140–143.

[84] Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа. – С. 124.

ним «исседон», не указав, что Плиний упоминал это имя относительно центральной части Северного Кавказа. Он также проигнорировал тот факт, что осетины терминологически связываются с многочисленными племенами Средней Азии и Семиречья с этнонимом «ас». По мнению Ю. С. Гаглойти, целенаправленно изучавшего в числе прочего и историографию, связанную с «аланской» проблематикой, Л. А. Мацулевич, не найдя правильного соотношения между ролью ираноязычного элемента и местной кавказской среды в процессе формирования осетинского этноса, также не нашёл и путей решения этого вопроса[85].

Одним из фундаментальных исследований является монография **З. Н. Ванеева** «Средневековая Алания»[86]. На основании большого количества письменных источников и лингвистического материала учёный предоставляет убедительную доказательную базу идентичности средневековых алан, овсов из грузинских летописей, ясов из летописей русских и асов других источников. Кроме того, автор является сторонником узкоэтнического характера термина «аланы». В этой монографии, помимо соотношений между аланами и осетинами, исследуются проблемы социально-экономической структуры средневековой Алании, христианства алан, просвещения и многое др. З. Н. Ванеев коснулся и вопроса участия алан в этногенезе осетин. Он счёл, что аланские племена, с древнейших времён обитавшие на обширных пространствах, подвергались самому разностороннему влиянию и смешению, в результате чего их этнический и антропологический тип мог претерпеть достаточно ощутимые изменения. Он утверждает, что нельзя ожидать абсолютного внешнего сходства «в антропологическом смысле даже средневековых кавказских алан с теми белокурыми аланами придонских степей, которых отмечает Аммиан Марцеллин». Относительно этногенеза алан-осетин учёный считал, что они являются народом, «образованным из разных этнических элементов, в том числе иранских, кавказских и др.»[87]. В целом, в дискуссии о соотношении этнонимов «алан» и «осетин» он занимал последовательную, принципиальную позицию и, как уже упоминалось, на основе большого фактического материала доказывал идентичность алан сочинений римских и арабских авторов, овсов грузинских хронистов, ясов древнерусских летописей. Помимо данной монографии, З. Н. Ванееву принадлежит также и ряд других работ по отдельным вопросам истории алан-осетин, в том числе – о времени заселения Южной Осетии[88]. В целом, разыскания учёного по отдельным аспектам истории алан-осетин стали заметной вехой в кавказоведении[89].

В области этнической истории осетин работал **Б. В. Скитский.** Его перу принадлежат такие работы, как «Очерки по истории осетинского народа с древнейших времён до 1867 г.» (Изв. СОНИИ, т. XI, Дзауджикау, 1947), «К вопросу о феодализме в Дигории» (Изв. СОНИИ, т. V), ряд глав в «Истории Северо-Осетинской АССР» (М., 1959) и др. В своих трудах учёный обосновывал идею этнического единства осетин со скифо-сармато-аланским миром. Вместе с тем, он признавал теорию В. И. Абаева о двуприродности осетин.

Для научной разработки проблем скифо-сарматского и аланского мира, а также выяснения его связей с этнической историей осетин много сделал выдающийся учёный-иранист **В. И. Абаев**. Такие его работы, как «Происхождение и культурное прошлое осетин по данным языка», «Скифский язык», «Аланика»[90], «Нартовский эпос»[91], «Скифский быт и реформа Зороастра[92], «Среднеазиатский политический термин афшин»[93], статьи по религиозным веро-

---

[85] Гаглойти Ю. С. Аланы и вопросы этногенеза осетин. – С. 37.

[86] Ванеев З. Н. Средневековая Алания. – Сталинир, 1959.

[87] Там же. – С. 7–8.

[88] Ванеев З. Н. К вопросу о времени заселения Юго-Осетии // Известия ЮОНИИ АН ГССР. Вып. 3, 1936.

[89] Гаглоева З. Д. Захарий Николаевич Ванеев. – Цхинвали, 1981.

[90] Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. Т. I. – М.—Л., 1949.

[91] Абаев В. И. Нартовский эпос // Известия СОНИИ. Т. X. Вып. 1. – Дзауджикау, 1945.

[92] Archiv Orientalni, t. XXIV. – Praha, 1956.

[93] Абаев В. И. Среднеазиатский политический термин «афшин» // ВДИ, 1959. № 2.

ваниям древних осетин[94] и многие другие представляют собой крупный вклад в алановедение и в прояснение прошлого осетинского этноса. В. И. Абаев доказательно представил тот факт, что в составе тех скифов и сарматов, что в VII в. до н. э. жили на равнинах Южной России и Северного Кавказа, а начиная с I в. н. э. стали известны уже как аланы, были и предки современных осетин. Ценно, что такое своё утверждение учёный обосновывает богатым материалом. Нельзя не отметить, что, в отличие от многих других исследователей, В. И. Абаев, указывая на генетическую близость алан со скифами и сарматами, не упускает из вида тесную связь алан с сако-массагетскими племенами Средней Азии. Это восполнило огромную брешь в алановедении, прежде приводившую многих исследователей к выводам, не имеющим ничего общего с научной разработкой истории алан.

Более того, придерживаясь гипотезы древних и средневековых ираноязычных связей осетин, именно В. И. Абаев впервые научно обосновал роль и значение местного кавказского субстрата в формировании осетинской этноязыковой культуры. Он установил кавказское влияние в основных областях осетинского языка: в фонетике, синтаксисе и лексике. Эти явления, по мнению В. И. Абаева, не могли быть результатом простых заимствований, но свидетельствуют в пользу длительных контактов североиранских предков осетин с кавказскими племенами. Его статьи о значении кавказского субстрата в этногенезе осетин способствовали преодолению односторонности теории происхождения осетин, а конкретно – в недооценке местной кавказской среды[95].

Неоспоримы утверждения В. И. Абаева и о том, что «основные положения, касающиеся этногенеза осетин, стоят прочно и непоколебимо: наличие иранского элемента в их этнической культуре и их изначальное культурно-языковое родство с другими народами индо-европейского круга; северный путь их движения на Кавказ; преемственная связь их со скифами, сарматами и аланами»[96].

В контексте рассматриваемой проблемы интересно исследование алано-грузинских отношений, проведённое **Г. Д. Тогошвили**[97]. Учёный собрал богатый материал из древнегрузинских, армянских, византийских и римских источников. В своих изысканиях он пришёл к выводу о большой важности в истории двух народов многовековых интенсивных военно-политических, экономических и культурных связей. В числе прочего он показал, что аланские дружины участвовали в многочисленных компаниях против завоевателей Грузии, нередко влияли на ход и результат внутриполитической борьбы, протекавшей в Закавказье.

Вопросами этногенеза осетин немало интересовался **Е. И. Крупнов**. Он обращался к происхождению осетин в нескольких своих работах[98]. Одним из его весьма оригинальных и спорных утверждений является тезис о том, что язык не всегда служит верным признаком путей формирования народа, так как «может быть сменён, заимствован. Другое дело, утверждает учёный – самый процесс исторического развития осетинского народа, его культуры, в

---

[94] Абаев В. И. Дохристианская религия алан. Доклад, прочитанный на XXV Международном конгрессе востоковедов. – М., 1960; его же: Культ «семи богов» у скифов // Древний мир. Сб. статей, посвящённый акад. В. В. Струве. – М., 1962.

[95] Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. Т. I. – М.—Л., 1949. – С. 75–80; его же: О языковом субстрате // Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР. № 9, 1956. – С. 57–69.

[96] Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. Т. I. – М.—Л., 1949. – С. 75.

[97] Тогошвили Г. Д. Грузино-осетинские отношения с древнейших времён до конца XIV века. – Цхинвали, 1962; Леонтий Мровели о происхождении осетинского народа // Происхождение осетинского народа. – Орджоникидзе, 1967; Вопросы истории народов Северного Кавказа и их взаимоотношений с Грузией в грузинской советской историографии // Грузино-северокавказские отношения. – Тбилиси, 1981; Вахушти Багратиони об Осетии и осетинах. – Тбилиси, 1977; Сослан Давид. – Владикавказ, 1991; Тогошвили Г.Д., Хабалашвили И. Население Осетии. Краткий историко-демографический очерк. – Цхинвали, 1983; Тогошвили Г. Д. Избранные труды по кавказоведению Т. 1 и II. Владикавказ, 2012.

[98] Крупнов Е. И. Об этногенезе осетин и других народов Северного Кавказа // Против вульгаризации марксизма в археологии. – М.,1953. – С.141–164; его же: Древняя история и культура Кабарды. – М., 1957. – С. 148; Древняя история Северного Кавказа. – М., 1960. – С. 381–396; его же. Средневековая Ингушетия. – М. 1971.

частности языковой»[99]. Вместе с тем, Е. И. Крупнов не отрицал, что язык есть решающий признак этнической общности. Он утверждал, что этнокультура «даже осетинского (в историческое время ираноязычного) народа издавна формировалась на местной, уходящей в глубь веков, специфической кавказской основе. Это обстоятельство органически связывает осетинский народ с родной для него кавказской почвой, которая на протяжении столетий питала его яркую и оригинальную культуру, как и культуру других коренных народов Северного Кавказа». Он писал, что «по языку осетины действительно иранцы, по культуре же они типичные кавказцы, как и другие коренные народы Северного Кавказа[100].

По мнению Ю. С. Гаглойти, тот факт, что по своей культуре осетины являются типичными кавказцами, вряд ли может кого-то удивить. Напротив, «странно было бы ожидать обратное, принимая во внимание, что осетины вместе с другими народами Кавказа находятся в сходных физико-географических условиях более двух с половиной тысяч лет. Это сходство условий материальной жизни, взаимное общение и влияние, естественно, не могло не привести к близости в обычаях, нравах, религиозных представлениях, строительстве и планировке жилищ, антропологическом типе и т. д. Вместе с тем, этот фактор не мог, конечно, устранить различия в языке, являющемся важнейшим признаком этнической принадлежности, а также в некоторых обычаях и обрядах[101]. Отдельные исследователи, такие как Р. М. Мунчаев и В. И. Марковин, считают точку зрения Е. И. Крупнова об этногенезе осетин весьма гипотетичной и требующей «развёрнутой научной аргументации». По их мнению, при таком решении остаётся совершенно неясным, почему, например, избежали «иранизации» древние племена северо-западного Кавказа. «Ведь синдо-меотские племена испытали на себе не менее сильное влияние скифо-сарматской культуры»[102]. Ю. С. Гаглойти считает, что ираноязычность осетин не может быть объяснена лишь механическим усвоением местными кавказскими племенами иранской речи пришельцев. Появление ираноязычной народности на Северном Кавказе должно быть связано с приходом сюда самих носителей этой речи, независимо от того были ли это скифы или сармато-аланы. Поэтому этногенез осетин не может решаться лишь в аспекте автохтонного развития этого этноса без учёта роли и значения скифо-сарматского (аланского) элемента и без выяснения конкретной картины продвижения ираноязычных племён на Северный Кавказ и их этнических взаимоотношений. Концепция Е. И. Крупнова, считает Ю. С. Гаглойти, не даёт удовлетворительного ответа на эти вопросы[103].

По мнению Ю. С. Гаглойти, этническую основу осетинского народа составили ираноязычные кочевники, ассимилировавшие местное кавказское население. Быстрой ассимиляции, как считает автор, способствовало то, что среди кавказских автохтонных племён имелись носители североиранских языков. В качестве аргументов Ю. С. Гаглойти приводит сведения древнегреческого географа I века до н. э. Страбона. Описывая насельников горной зоны Центрального Кавказа и его западных склонов, он отмечает: «Большая часть их принадлежит к сарматскому племени, и все они являются кавказцами». В другом пассаже Страбон говорит, что горную часть Иберии занимают воинственные племена, сходные в образе жизни со скифами и сарматами, с которыми они находятся и в соседстве, и в родстве.

Отметим также, что к проблемам алановедения следует отнести и этнографические изыскания в области культово-обрядовой жизни осетин. Так, в осетинской этнографии М. Гарданти зафиксирован весенний ритуал, в ходе которого мужчины укладывали на землю кинжал и возле его острия втыкали саблю. Происхождение данного обряда приписывалось эпическим

[99] Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. – М., 1960. – С. 391.

[100] Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. – М., 1960. – С. 393.

[101] Гаглойти Ю. С. Аланы и вопросы этногенеза осетин. – С. 41.

[102] Цит. по: Гаглойти Ю. С. Аланы и вопросы этногенеза осетин. – С. 4.

[103] Там же. С. 43.

предкам – нартам[104]. Вполне обоснованным представляется вывод, что этот ритуал восходит к древнему «скифо-аланскому культу» поклонения Аресу-мечу[105].

Многое для разработки аланской тематики было сделано **В. А. Кузнецовым**. Первая же его крупная работа[106] вызвала интерес специалистов. Правда, не все высказанные автором идеи нашли понимание и поддержку его коллег. Так, в вопросе этногенеза алан-овсов многие рассмотрели сужение содержания этнонима «аланы» до уровня географического термина, что встретило решительное возражение специалистов[107]. В связи с этим В. И. Абаев указал на «опасную тенденцию обезличить аланскую народность»[108]. Во взглядах В. А. Кузнецова в советский период намечается некоторая вариативность. В статье «Аланы», написанной им для издания «Большая советская энциклопедия», он практически ассоциирует алан с осетинами, указывая, что самоназванием алан является эндоэтноним «ироны»[109]. В целом же высказанная им на восемь лет раньше концепция этногенеза осетин сводилась к следующему. В начале I тысячелетия н. э. на территории современной Осетии обитала группа родственных автохтонных племён, генетически связанных с носителями позднекобанской культуры конца I тыс. до н. э. Учёный условно называет их «иронскими». Он утверждает, что они говорили «на особом наречии древнейшего иберо-кавказского языка»[110].

При этом В. А. Кузнецов весьма неудачно ссылается на доклад В. И. Абаева на научной сессии, посвящённой проблеме этногенеза балкарского и карачаевского народов. В этом докладе В. И. Абаев рассматривал аланский субстрат в балкаро-карачаевском языке. В частности, он утверждал, что до прихода тюркоязычных племён на территории Балкарии и Карачая жили аланы и что балкарцы и карачаевцы оформились на аланском субстрате[111]. В этой своей работе В. И. Абаев не пишет ни о каком иберо-кавказском наречии «иронских» племён. Возможно, В. А. Кузнецова ввела в заблуждение заметка об этой сессии, на которую он ссылается. В ней говорилось, что в своём докладе В. И. Абаев «выяснил, что у балкарцев, карачаевцев, осетин и других народов Северного Кавказа имеется множество сходных слов» и что, по его мнению, в основе кабардинского, осетинского и других языков лежит какой-то древний язык (видимо, аланский)»[112]. По мнению Ю. С. Гаглойти, эта заметка неточно передаёт содержание доклада В. И. Абаева, однако В. А. Кузнецов не мог не знать точку зрения Василия Ивановича об аланском субстрате в балкаро-карачаевском языке.

В своей монографии «Аланские племена Северного Кавказа» (Материалы и исследования по археологии СССР. МИА, № 106, 1962) В. А. Кузнецов сосредоточивается на археологическом материале, признавая его приоритет над письменными источниками и данными языкознания. В одной из своих относительно ранних работ В. А. Кузнецов утверждает, что в первых веках нашей эры «иронские» племена вступают в соприкосновение с сарматами, продвинувшимися в степи Северного Кавказа из Северного Прикаспия. Тогда же, по его мнению, в среде этих сарматских племён появляются и аланы, первоначальной территорией которых «могла быть область Яньцай-Аланья между Аралом и Каспием. Связывая появление алан на Северном Кавказе с гуннским нашествием, автор утверждает, что в результате огромная масса

---

[104] Цит. по: Туаллагов А. А. Ранние аланы. – Владикавказ, 2014. – С. 311.

[105] Чочиев А. Р. Очерки истории социальной культуры осетин. – Цхинвали, 1985. – С. 208–209.

[106] Аланские племена Северного Кавказа // Материалы и исследования по археологии СССР. № 106, 1962.

[107] Ванеев З. Н. К этногенезу осетинского народа // Известия ЮОНИИИ. Вып.13, 1961; Гаглойти Ю. С. Аланы и вопросы этногенеза осетин. – С. 43–47.

[108] Абаев В. И. Этногенез осетин по данным языка // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967.

[109] Кузнецов В. А. Аланы // БСЭ. Т. 1. – М.: Советская энциклопедия, 1970. – С. 381.

[110] Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа. – М., 1962. – С. 117.

[111] Абаев В. И. Об аланском субстрате в балкаро-карачаевском языке // О происхождении балкарцев и карачаевцев. – Нальчик, 1960. – С. 127–135.

[112] Некрасова М. Научная сессия в Нальчике // ВИ, 1959. № 12. – С. 180.

алан продвинулась из Прикаспия и Поволжья в Предкавказье. Центр тяжести аланской миграции пришёлся в силу объективных исторических причин на территорию Северной Осетии. С этого времени начинается якобы продвижение алан в глубь Кавказского хребта и ассимиляция ираноязычными аланами местных кавказских племён, завершившаяся формированием этнического ядра современного осетинского народа – иронцев[113].

Эту точку зрения подверг критике Ю. С. Гаглойти, утверждая, что аланы появляются в Предкавказье не в IV в. н. э., а значительно раньше. Учёный счёл, что выстроенная В. А. Кузнецовым картина этногенеза осетин далека от действительности, поскольку автор игнорирует роль доаланского ираноязычного элемента на Северном Кавказе в формировании осетин. Хотя в своей монографии, выделяя локальные варианты аланской культуры, В. А. Кузнецов постоянно отмечает наличие здесь сарматских могильников и говорит о генетической связи алан с сарматами. Ю. С. Гаглойти утверждает, что, если не считать указания В. А. Кузнецова на участие сарматов-сираков в формировании западной ветви осетин-дигорцев, причём сираки противопоставляются аланам, то роль ираноязычных сарматов в этногенезе осетин сводится на нет. И что самое характерное, В. А. Кузнецов считает, что не аланы ассимилировали местные племена, а, наоборот, сами были ассимилированы местными кавказскими племенами[114].

Ю. С. Гаглойти так определил участие В. А. Кузнецова в формировании концепции этногенеза осетин: «Ошибочная трактовка времени и условий появления алан на Северном Кавказе и их роли в этом процессе, подчёркивание генетической связи алан с сарматами, с одной стороны, и фактическое противопоставление их друг другу, с другой, расширенное употребление термина «аланы» – эти и ряд других факторов не позволили, как нам кажется, исследователю создать убедительную концепцию происхождения осетинского народа»[115].

Тем не менее, исследования В. А. Кузнецова заполнили один из важнейших пробелов кавказской историографии политической истории Алании. Своеобразным итогом многолетних поисков В. А. Кузнецова стала монография «Очерки истории алан»[116]. Продолживший в постсоветское время свои аланские штудии, В. А. Кузнецов выступил в 2002 г. с монографией «Христианство на Северном Кавказе до XV века»[117]. Особое внимание уделено христианизации Алании, в связи с чем предложены новые гипотезы, выводы, исторические реконструкции. Явление христианства на Северном Кавказе автор рассматривает как феномен средневековой цивилизации, оставивший глубокий и плодотворный след как в духовной, так и в материальной культуре народов региона.

Историю формирования различных народов Северного Кавказа и их культуру рассматривает **В. Б. Ковалевская**[118], для которой характерен скрупулёзный источниковедческий анализ разнообразных памятников. На основе археологических данных она пришла к выводу, что аланы, появившись на Северном Кавказе на рубеже нашей эры, напрямую участвовали в этногенезе осетин, они также повлияли на судьбу других горских народов – балкарцев и карачаевцев. На основе более широкого научного обзора расположения алан и их некоторых социальных и «профессиональных» специфик, В. Б. Ковалевская отмечает, что они «были в хорошей позиции, чтобы стать частью новой средневековой аристократии, её элитой». Она также высказала мнение, что в Старом Свете ираноязычные пришельцы оказали такое влияние на быт и культуру его народов, что автор «Истории Британии» эпонима (родоначальника) Европы назвал Аланом[119].

---

[113] Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа. – С. 117–118.

[114] Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа. – С. 117.

[115] Гаглойти Ю. С. Аланы и вопросы этногенеза осетин. – С. 47.

[116] Кузнецов В. А. Очерки истории алан. – Орджоникидзе, 1984.

[117] Кузнецов В. А. Христианство на Северном Кавказе до XV в. – Владикавказ, 2002.

[118] Ковалевская В. Б. Кавказ и Аланы // Века и народы. – М., 1984.

[119] Ковалевская В. Б. Аланы в Западной Европе // Аланы: Западная Европа и Византия. – Владикавказ, 1992. – С.71, 74.

Разработкой вопросов, связанных с историческими судьбами алан и татаро-монголов, занимался **Т. А. Гуриев**. Изучение древних, средневековых источников западных авторов и записей китайских хроник и свидетельств, сделанных на монгольском языке, нартоведческие исследования учёного, в частности выявленные скифо-нартовские параллели в сюжетах и мотивах, богатый корпус собственных имён и др.[120], привнесли новые аргументы в доказательную базу об алано-осетинской преемственности.

Заметным событием стала монография **Р. А. Габриелян**, посвящённая армяно-аланским отношениям в I–IX вв., а также сборник армянских источников по истории алан[121]. Ссылаясь, в частности, на источник VII века «Ашхарацуйц», локализующий алан в Центральном Предкавказье, автор указывает на узкоэтнический характер этнонима алан, различая основные компоненты алано-осетинского этноса – ашдигор, дигор, двал[122].

Многие проблемы аланской истории активно исследовались в советский период, но не получили окончательного разрешения, оставаясь предметом научных дискуссий.

В постсоветский период алано-осетиноведение вступает в новый период. Уже со второй половины 80-х гг. в отечественной науке происходит процесс раскрепощения исторического сознания, отказа от привычки к устоявшимся схемам и директивным оценкам, от страха «ошибиться» и не попасть в «общую струю». С этого же времени резко возрастает интерес к ранним этапам истории народов. Алановедческие штудии обретают в это время новое дыхание. С 90-х гг. плодотворно работает в аланской тематике **Ф. Х. Гутнов**. Специалист по социальной и политической истории средневековой Алании, он выступает в эти годы с рядом исследований, представляющих оригинальное концептуальное видение процессов классогенеза и полигенеза в аланском обществе. Учёный полагает, что новая система управления у алан формировалась не через «разложение общины», а посредством узурпации функций (военного) управления. Новая парадигма алановедения развивается в фундаментальных трудах учёного: «Средневековая Осетия» (1993); «Ранние аланы: проблемы этносоциальной истории» (1993); «Аристократия алан» (2005); «Горский феодализм» (в трёх томах 1997, 1998, 2014); «Аланы» (2011); «Скифы и аланы» (2014); «Осетинские фамилии» (2015) и др.[123] Автор доказывает, что эволюция общественного строя народов северокавказского региона представляет значительный интерес для выявления специфики политогенеза у народов Евразии. Подчёркивается, что кавказский материал важен для понимания общей проблемы генезиса феодализма. Выводы, к которым пришёл учёный, чрезвычайно важны и для понимания процессов феодализации у позднейших осетин – ведь тенденции классообразования и социогенеза у осетин имели истоком аналогичные процессы в аланском социуме.

Проблемы истории и культуры ранних алан исследуются в многочисленных трудах **А. А. Туаллагова**[124]. Они основываются на анализе археологических данных, включающих полученные в ходе непосредственного участия автора в работе археологических экспедиций, а также сведений письменных и эпиграфических источников. Часть полученных в ходе научных

---

[120] Гуриев Т. А. Проблема генезиса осетинского нартовского эпоса. – Орджоникидзе, 1971; его же: Наследие скифов и алан: Очерки о словах и именах. – Владикавказ, 1991; Кто есть кто в аланской Нартиаде. Словарь. – Владикавказ,1999 и др.

[121] Габриелян Р. А. Армяно-аланские отношения (I – X вв.). – Ереван, 1989; Армянские источники об аланах. (Документальные материалы и комментарии) // Сост., автор коммент. Р. А. Габриелян. Вып. 1–3. – Ереван, 1985.

[122] Там же. Вып. 1. – С. 55.

[123] Гутнов Ф. Х. Генеалогические предания осетин как исторический источник. – Орджоникидзе, 1989; его же: Средневековая Осетия. – Владикавказ, 1993; Ранние аланы: проблемы этносоциальной истории. – Владикавказ, 1993; Аристократия алан. – Владикавказ, 1995; Ранние скифы: очерки социальной истории. – Владикавказ, 2006; Горский феодализм. Т. I–II. – Владикавказ, 2007–2014; Аланы. – Владикавказ, 2014; – Скифы и аланы. – Владикавказ, 2014; Осетинские фамилии. – Владикавказ, 2015.

[124] Туаллагов А. А. Скифо-сарматский мир и Нартовский эпос осетин. – Владикавказ, 2001; его же: Северный Кавказ: от скифов до ранних алан (историко-археологические очерки). – Владикавказ, 2007; Всеволод Фёдорович Миллер и осетиноведение. – Владикавказ, 2010; Меч и фандыр (Артуриана и Нартовский эпос осетин). – Владикавказ, 2011; Ранние аланы. – Владикавказ, 2014; Зеленчукская надпись. – Владикавказ, 2015.

исследований результатов привлечена в процессе изучения аланского этапа в этногенезе осетин и интерпретации материалов с позиций преемственности и отражения в различных областях материальной и духовной культуры осетин. Особый интерес представляет монография «Меч и фандыр (Артуриана и Нартовский эпос осетин)», посвящённая анализу гипотезы о влиянии истории и культурных традиций сарматов и алан на сложение Артурианы. Легенды о короле Артуре и рыцарях «Круглого стола» традиционно интерпретировать в рамках языческих традиций кельтского мира. Новое направление исследований, основанное на наблюдениях о возможном влиянии на сложение популярных средневековых легенд со стороны истории и традиций ираноязычных народов Евразии, предложенное К. Скотт Литтлтоном и Линдой А. Малкор[125], получило в монографии А. А. Туаллагова весомые аргументы.

Труды **Р. Г. Дзаттиаты** вводят в научный оборот богатейшие археологические материалы[126]. Оборонительные и бытовые сооружения, разнообразные погребальные и культовые памятники, различные категории предметов вооружения и обихода, культа и украшений дают неоценимые факты для реконструкции исторического бытия осетинского народа и его предков. Автор отмечает многочисленные элементы скифо-сармато-аланской культуры, проявившиеся в изобразительных сюжетах и мотивах, других элементах декора, орнаментике, а также языке, быте, фольклоре осетин. Археологические памятники говорят о преемственности и непрерывности традиций, свидетельствуют о неизбывности и неисчерпаемости народного творчества.

Скифо-аланскую модель социальной организации выявляет в общественном строе традиционного осетинского общества **Р. С. Бзаров**[127]. Французский учёный Ж. Дюмезиль считал эту социальную модель общеиндоевропейской, характеризующейся троичной социальной структурой (жрецы, воины, земледельцы-производители), которой соответствовала иерархия социальных функций в идеологии. Ту же концепцию социальных функций он обнаружил в скифской генеалогической легенде и Нартовском эпосе осетин, сохранившем соответствующие сюжеты и яркую функциональную окраску трёх нартовских родов. Свою реконструкцию древней индоиранской традиции в рамках осетинской гражданской общины Р. С. Бзаров основывает на солидном документальном материале – историческом и фольклорном. Архетипическая гражданская модель, включающая три колена с равными социальными статусами, определила в Осетии формы дальнейшего политического развития. Как подчёркивает автор, «самозащитный консерватизм гражданской общины оказался спасительным для этнического единства и этнокультурного континуитета горной Алании – Осетии XV–XVIII вв.».

Блестящая военная культура скифо-сармато-аланских племён, ставшая истоком военного искусства средневековой Осетии, послужила темой исследований **А. А. Сланова**[128] и **А. Б. Багаева**[129]. В работах А. А. Сланова «Военное дело алан I–XV вв.» и «Древнеарийская военная культура» утверждается, что иранская военная культура, поступательно развиваясь на протяжение тысячелетий под влиянием достижений социального и технического прогресса и совершенствуясь в контактах с народами окружающего мира, стойко сохранила преемственность как духовной, так и материальной составляющих своей традиции. Комплексный анализ различных исторических источников позволил автору проследить единство, преемствен-

---

[125] Литтлтон К. *Скотт, Малкор Линда А*. От Скифии до Камелота / Пер. с англ. С. Никольский. – Владикавказ: Проект-Пресс, 2007.

[126] Дзаттиаты Р. Г. Культура позднесредневековой Осетии. – Владикавказ, 2002; его же: Аланские древности Даргавса. – Владикавказ, 2014.

[127] Бзаров Р. С. Древняя традиция в общественном строе осетин-алагирцев в первой половине XIX в. // Проблемы исторической этнографии осетин. – Орджоникидзе, 1987. – С. 11–34; его же: Из истории аланской культуры. – М., 2014.

[128] Сланов А. А. Военное дело алан I–XI вв. – Владикавказ, 2007; его же: Древнеарийская военная культура. – Владикавказ, 2008; Истоки военной культуры североиранских народов древности (II–I тыс. до н. э.). Автореф. дис… д. истор. н. – Владикавказ, 2013.

[129] Багаев А. Б. Военное дело осетин XV–XIX вв. Автореф. дис… к. истор. н. – Владикавказ; его же: Верховая лошадь в этнокультурной традиции осетин. – Владикавказ, 2015.

ность и внутреннюю системную неразрывность военной культуры иранских народов древности и Средневековья. А. Б. Багаев в монографии «Военное дело осетин XV–XIX вв.» прослеживает позитивную динамику в формировании военной культуры Осетии, которая сочетала традиции ираноязычного мира с кавказским и активно реагировала на новации в военном деле, заимствованные из других культурно-военных систем (Закавказья, России, Европы). Автор продолжил своё исследование военной культуры традиционного осетинского общества в монографии «Верховая лошадь в этнокультурной традиции осетин». Конница являлась традиционным родом войск у осетин и их предков на протяжении всей их истории. Проведённое автором исследование позволяет говорить о непрерывности традиции воевать конным строем у североиранских народов с древнейших времён до начала XX в. Образ воина-всадника является символикой военной культуры ираноязычных племён Евразии. То, что осетины не утратили традиции воевать верхом даже после ухода в горы, является свидетельством устойчивости всаднической культуры в их военном деле.

В монографии **А. Х. Хадиковой** «Этнические образы и традиционные модели поведения осетин»[130] автор приходит к выводу, что базовые этнические ценности, нормативные установки, кодексы общения и модели социального управления поведением, исторически сложившиеся у осетин, синтезирует уникальные индоиранские скифо-сармато-аланские древности. Соответственно, и традиционная культура общения, и многие аспекты общественного и семейного быта, вплоть до социоэкономических навыков и пр., сформированы под воздействием двух важнейших составляющих компонентов их этнической истории. Это быт и мировоззрение индоевропейцев-алан со свойственным им господством воинской идеологии и более поздний образ жизни в разрозненных и замкнутых ущельях Центрального Кавказа, уже после разгрома средневековой Алании. Собранный и систематизированный в монографии этнографический материал предоставляет возможность отслеживания не только конкретных воплощений древнейшего пласта этногенеза осетин, но и единства самого североиранского мира, в недрах которого шёл межпоколенный и многовековой отбор ценностей специфического воинского содержания и складывался соответствующий тип культуры, в которой ведущая социальная роль принадлежала воину-всаднику с соответствующим мировоззрением, поведенческими стереотипами и специфической эстетикой. В целом именно всаднический цикл как реликт эпохи военной иерархии алан и предопределил базу для формирования основных контуров морально-нравственных ценностей, а также норм и стереотипов, составляющих основу поведенческой культуры большинства этнических общностей Северного Кавказа. Осетины же как прямые преемники аланской культуры сохранили нормы всаднического обхождения не только в среде высших сословий. Для осетин стереотипы указанного происхождения не были аристократическим антуражем «лучших», напротив, они обеспечивали традиционное общение всего этноса без особых сословных вариаций.

Т. Т. Камболов исследовал социально-исторические обстоятельства формирования осетинского языка и особенности развития его структуры на различных исторических этапах. В его монографии «Очерк истории осетинского языка» приводится скифский, сарматский и аланский языковой материал, производится обобщение и критический анализ научных гипотез и теорий, выработанных за два столетия изучения истории осетинского языка; выдвигается оригинальная трактовка концептуальной модели и новые аргументы в пользу скифо-сармато-алано-осетинской языковой преемственности[131].

Изучению аланской православной традиции, послужившей основой осетинской христианской истории Нового времени, посвящена монография **М. Э. Мамиева** «Аланское право-

[130] Хадикова А. Х. Этнические образы и традиционные модели поведения осетин. – Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ, 2015.

[131] Камболов Т. Т. Очерк истории осетинского языка. – Владикавказ, 2006.

славие: история и традиции»[132]. В нескольких тематически связанных между собой очерках реконструируются различные аспекты истории и внутреннего содержания аланского ортодоксального христианства, принявшего и сохранившего в себе древнюю народную культуру. Исторические свидетельства IX–XV вв. о распространении христианства среди алан сопоставляются с данными археологии, фольклора и архитектуры. Комплексный подход позволил сделать вывод о «динамичном и достаточно гармоничном взаимопроникновении и взаимодействии» трёх компонентов религиозного мировоззрения осетин – христианского, иранского и кавказского. Автор приходит к закономерному выводу о создании аланами собственной православной культурной традиции. Исследование является важным этапом в изучении широкого комплекса проблем, связанных с духовной культурой осетин – наследников Аланской державы, одиннадцать веков назад сделавшей исторический выбор в пользу Православия.

Малоисследованные аспекты политических, церковных и этнокультурных связей Алании и Византийской империи в контексте распространения христианства среди населения Западной Алании с X до середины XV в. представлены в книге **С. Н. Малахова** «Алания и Византия: Источниковедческие аспекты политических и церковных связей»[133]. На материале разнотипных письменных источников, памятников церковной археологии уточняются реалии и особенности процесса христианизации, этапы формирования Аланской митрополии, причины ослабления влияния Константинопольского патриархата на Северном Кавказе в позднем Средневековье. Затрагиваются дискуссионные проблемы аланской этнонимики и средневековой этногеографии Восточной Европы, даётся анализ реликтовых феноменов христианства, сохранившихся у осетин и других народов Северного Кавказа вплоть до начала нового времени как результат аланского культурного наследия.

Монография **А. Ю. Виноградова** и **Д. В. Белецкого** «Нижний Архыз и Сенты: древнейшие храмы России. Проблемы христианского искусства Алании и Северо-Западного Кавказа» посвящена самым древним храмам, сохранившимся на территории России, и является фундаментальным исследованием аланского церковного искусства. Тщательное изучение самих памятников, архивных и реставрационных материалов, сравнение их с другими образцами архитектуры в христианской ойкумене, позволили выявить самобытность и глубину аланского религиозного искусства, его международный характер, связи с Абхазией, Византией и Закавказьем[134]

[132] Мамиев М. Э. Аланское православие: история и традиции. – М., 2014.

[133] Малахов С. Н. Алания и Византия: Источниковедческие аспекты политических и церковных связей. – М., 2015.

[134] Белецкий Д.В., Виноградов А. Ю. Нижний Архыз и Сенты: древнейшие храмы России. Проблемы христианского искусства Алании и Кавказа. – М., 2011.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.